

ПРОЕКТ
«АНТИ-РОССИЯ»

НИКОЛАЙ
ДОЛГОПолов

ГЛАВНЫЙ
ПРОТИВНИК

ТАЙНАЯ
ВОЙНА
ЗА СССР

Николай Михайлович Долгополов
Главный противник.
Тайная война за СССР
Серия «Проект «АнтиРоссия»»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373006

Главный противник. Тайная война за СССР: ООО "Алгоритм-Издат";

Москва; 2011

ISBN 978-5-6994-8882-7

Аннотация

Книга журналиста и писателя Николая Долгополова «Абель-Фишер» стала недавно бестселлером. Лауреат литературной премии Службы внешней разведки, рассказывая о советских разведчиках, обнаруживает секреты операций могущественнейшей из служб. Это не выдуманные истории, вычитанные из современной прессы, а информация от первых лиц, с которыми довелось встречаться автору. Из этой книги читатель узнает подробности о связниках полковника Абея, об агентах Маркуса Вольфа и многом другом, что еще недавно находилось под грифом «секретно».

Содержание

Пара слов от автора	4
Защита от внешних угроз	7
Часть первая. Герои разведки	17
Сильный духом	19
Герой с трагическим оттенком	38
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Долгополов Н. М

Главный противник.

Тайная война за СССР

Пара слов от автора

Это книга о людях разведки. Меньше всего мне хотелось показать их схематичными героями, эдакими дисциплинированными, натренированными роботами, запрограммированными на подвиг во имя и неминуемую удачу ради... Нет, этим людям часто выпадает столько испытаний, страданий, а порой обиднейших недоверия и подозрений, что на их месте другие сломались бы, не выдержали.

Профессия разведчика уникальна не потому, что увлекательна или становится посильной ношей лишь для горстки отмеченных редчайшими способностями, природой данными и учителями воспитанными. Нет. Разведка, особенно нелегальная, о которой немало рассказывается в этой книге, невольно обрекает на самопожертвование. И каких бы успехов не добился человек, живущий не своей жизнью, по чужой легенде, его деяния, как правило, не превращаются в предмет всеобщего достояния и восхищения. Его подвиг — для узкого круга молчаливых посвященных. Но вот резуль-

тат работы пожинают, чаще всего, и не подозревая об этом, десятки миллионов. Где бы мы были, если бы разведка не добыла секретов создания атомной бомбы? Об ответе, абсолютно простом, бесхитростном, но каком трагичном, и думать не хочется.

Известность к безымянным представителям этой профессии приходит, как грустное правило, после разоблачения противником из-за предательства, как это случилось с нелегалами Абелем – Фишером и Молодым, или в самом конце длинной жизни – так было с супругами Мукасеями. Впрочем, есть и счастливые исключения – супружеская пара нелегалов Вартанянов. Но вспомним тогда и превращенного почти в хрестоматийного Николая Кузнецова. Вечно бодрого, подтянутого, ставящегося в пример целым поколениям, но как тяжело жившего и так рано лишенного жизни.

Сразу предупрежу читателя: практически за каждым сюжетом или даже раскрытым оперативным эпизодом прячется слово «почти». До сих пор под грифом «сов. секретно» некоторые настоящие фамилии, присутствует определенная недосказанность, когда за интригующим началом обязательно должно последовать продолжение, публикация которого затягивается на десятки лет. Порой и события давней поры смещены во времени. Нельзя называть стран и действовавших там верных помощников.

И все-таки разведка постепенно, неторопливо, со вдумчивой осторожностью раскрывает тайны, которым, казалось,

оставаться лишь ее собственными. Выходят на свет новые имена, а с ними и новые подвиги. К примеру, мы подробно, пусть и в пределах на сегодня дозволенного, рассказываем о деятельности нелегала, Героя России Алексея Козлова. Выданный предателем Гордиевским, он два года провел в камере смертников в ЮАР, был обменян на 11 (!) шпионов, а вскоре после этого снова взяв чужое имя, отправился в разведку. Уже знакомые нам персонажи обретают более конкретные черты. Так в этой книге о полковнике – нелегале Африке де Лас Эрас рассказывает ее ученица, пока появившаяся у нас под псевдонимом Т.И. И даже, казалось, в досконально изученную биографию легендарного Николая Кузнецова добавляются неизвестные штрихи. Впервые приоткрывается завеса над тем, что же делали после Великой Отечественной, сорвав в 1943-м покушение на Большую тройку в Тегеране, Герой Советского Союза Геворк Вартанян и его жена Гоар. А ведь они снова стали нелегалами на долгие три с лишним десятилетия. Перед 100-летним юбилеем поведал некоторые подробности своих с супругой 22-х лет, как говорят в разведке, «в особых условиях», ныне ушедший Михаил Мукасей... В этой книге мы впервые упоминаем, пока лишь упоминаем, одного из Героев Советского Союза, около двух десятилетий проработавшего под чужим именем в далеком зарубежье.

Словом, разведчики продолжает тихую и нужную свою работу. Мертвых сезонов в разведке не бывает.

Защита от внешних угроз

Это первое интервью Директора Службы внешней разведки Михаила Ефимовича Фрадкова на важном посту. В декабре 2010-го в канун 90-летия Службы он ответил на вопросы «Российской газеты», которые привожу в книге. Беседа – строгая, без всяких вольностей. Однако уверен, читателю станет теперь более понятно, чем живет разведка сегодня.

– Михаил Ефимович, как СВР отмечает свой праздник? На торжественном собрании в штаб-квартире в Ясенева 15 декабря выступил Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Можно ли узнать какие-нибудь подробности?

– Собрание действительно прошло в торжественной, запоминающейся обстановке. Президент Д.А.Медведев поздравил сотрудников с 90-летием СВР и вручил Службе Грамоту Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации за работу по защите нашей страны. Он подтвердил, что руководство страны понимает необходимость и важность внешней разведки для России. По его оценке наша Служба сохраняет все возможности для оперативного, качественного, эффективного решения поставленных перед ней задач, и в настоящий момент входит в сообщество наиболее сильных и конкурентоспособных разведок мира.

В зале присутствовали представители всех подразделений

Службы – руководство, опытные сотрудники, вышедшие в отставку ветераны и, конечно, молодежь. Многие из наших молодых работников, наверное, впервые увидели своих старших товарищей с орденскими планками на костюмах – у нас такое происходит очень редко, только по большим праздникам.

Мы отказались от традиционного праздничного доклада и показали Президенту специальный фильм о нашей работе.

Затем состоялось награждение наших лучших работников. Награды вручались не «юбилейные», а за конкретные результаты, о которых, возможно, станет известно лишь через много лет.

Заседание в штаб-квартире СВР – центральная часть общей программы, посвященной празднованию 90-летия разведки. В силу понятных причин по большей части эти торжества носят закрытый характер, однако есть и публичные мероприятия, как, например, выставка «90 лет российской внешней разведке» в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Музей этот на Поклонной горе.

– История внешней разведки содержит немало героических страниц. Какие из них вы хотели бы вспомнить сегодня?

– Для меня история нашей разведки связана, прежде всего, с необыкновенными людьми, в ней служившими, отдавшими ей всю свою жизнь.

Николай Кузнецов – один из девяти разведчиков, получивших звание Героя Советского Союза за подвиги, совершенные на оккупированной немцами территории в годы Великой Отечественной войны.

Алексей Ботян, выполнявший специальные задания за линией фронта и послуживший прообразом героя фильма «Майор «Вихрь». Высшая награда нашла его только в 2007 году, когда ему было присвоено звание Героя России.

Всего же в тылу врага сражались свыше 13 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов.

Ким Филби – легенда разведывательного мира XX века, проникший в руководство английских спецслужб и оказавший неоценимые услуги нашей стране во время войны и после нее. В ходе нынешних торжеств мы открыли в Москве памятную доску, посвященную Филби.

Владимир Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов, Анатолий Яцков, супруги Моррис и Леонтина Коэны – все они, вместе с другими товарищами по разведке, сыграли важную роль в создании атомного оружия в нашей стране.

Рудольф Абель, Конон Молодой – наши герои-нелегалы тяжелых лет «холодной войны». Живущие среди нас и продолжающие работать выдающиеся разведчики Джордж Блейк, Алексей Козлов, супруги Геворк и Гоар Вартаняны.

Невольно обижаю многих замечательных коллег – формат интервью и правила конспирации не дают возможности

назвать имена всех героев разведки. Скажу лишь, что мы не просто гордимся ими, а следуем их примеру, стараемся упрочить честь и достоинство нашей организации, имеющей столь замечательную историю.

– *Что нового происходило во внешней разведке в последние годы?*

– Наш коллектив состоит из высококвалифицированных специалистов своего дела, имеет ясные, сформулированные руководством страны задачи, соответствующий инструментарий для их решения, опирается на твердую законодательную базу.

Вместе с тем разведка – живой организм. В последние годы нами были проведены кадровые перестановки, определены новые приоритеты, проанализировано положение дел на основных направлениях разведдеятельности, приняты меры по повышению ее эффективности и результативности, по стимулированию мотивации сотрудников, подъему авторитета Службы.

По большей мере это наши «домашние дела». Но в то же время были и знаковые события, такие, как вручение нам Дмитрием Анатольевичем. Медведевым знамени СВР и штандарта Директора Службы.

– *Не раскрывая никаких государственных тайн, все же расскажите, пожалуйста, об основных направлениях деятельности Службы.*

– Главной задачей СВР России, как это было на протя-

жении всей нашей истории, остается защита России от потенциальных внешних угроз. Список этих угроз меняется в зависимости от изменения обстановки в мире и приоритетов нашей страны на данный момент времени. Наша обязанность – вовремя предупредить руководство страны об обострении кризисных ситуаций в мире, о возможных враждебных России внешних акциях – политических, экономических, военных и любых других.

Разведка содействует успешной реализации внутренней и внешней политики России, нацелена на поддержку процесса модернизации нашей страны, создание оптимальных условий для развития ее науки и экономики.

Сегодня мы не ведем «тотальную» разведку, а сосредотачиваем внимание на сфере интересов Российской Федерации, стремимся экономно, рационально расходовать наши ресурсы. Другое дело, что многие современные международные проблемы приобретают глобальный характер.

В настоящее время мы внимательно отслеживаем угрозы международного терроризма и наркотрафика, распространения оружия массового уничтожения, появления новых государств, обладающих ядерным оружием.

– Насколько востребована информация, добываемая нашей разведкой, каковы ее оценки?

– Внешняя разведка много сделала за последние годы, чтобы быть адекватной переменам на международной арене. Новые условия выдвигают новые требования, новые задачи,

изменяют акценты в нашей деятельности, заставляют подчас по-новому смотреть на нашу работу. Без этого результаты труда разведчиков просто не могут быть востребованы в нынешней обстановке.

Вопреки распространенному мнению, качество работы разведслужбы в современных условиях определяется не всплеском отдельных блистательных операций, о которых общественность узнает в любом случае не раньше, чем через 30–50 лет. Главный показатель качества разведдеятельности – стабильность ежедневной кропотливой, методичной работы по добыванию и предоставлению руководству нашей страны достоверной и своевременной информации по вопросам, затрагивающим национальные интересы России.

Сегодня можно сказать: информация СВР востребована. Наши основные потребители – Президент и Председатель Правительства России. Хочу подчеркнуть, что материалы наверх идут не приглашенные, не подстраивающиеся под настроения потребителей, а объективные и честные.

Лучшей оценкой добываемых разведкой сведений является их реализация высшим руководством страны, выражающаяся в принятии государственных решений.

– Одно время пресса была полна домыслов и предположений на тему предательства в СВР, которое привело к аресту в США группы разведчиков-нелегалов. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Согласно действующим правовым нормам, сегодня я не

могу говорить о конкретных аспектах этой истории.

Неудачи случаются у всех спецслужб мира. Особенно тяжело, когда они связаны с изменой Родине. Этому не может быть никаких оправданий – недаром Данте поместил изменников в самом последнем девятом кругу ада.

В этой ситуации мы благодарны руководству страны за то, что оно с пониманием относится к случившемуся. Когда разведчики чувствуют поддержку со стороны своего государства, они работают уверенно и смело.

– Деятельность внешней разведки окутана завесой секретности. Как осуществляется надзор за ее работой?

– В соответствии с Федеральным Законом «О разведке» за деятельностью СВР осуществляется парламентский контроль в порядке, установленном федеральными законами. В свою очередь Счетная палата РФ проверяет исполнение утвержденных Государственной Думой и Советом Федерации смет расходов на содержание органов внешней разведки России.

Мы поддерживаем тесные рабочие отношения с целым рядом комитетов Госдумы и Совета Федерации.

Кроме того, надзор за исполнением органами внешней разведкой федеральных законов осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры. В предмет прокурорского надзора не входят сведения о лицах, оказывающих СВР конфиденциальное содействие, а также об организации, методах и средствах осуществления Службой сво-

ей деятельности.

Наконец, хочу напомнить, что мы являемся федеральным органом, непосредственно подчиненным Президенту Российской Федерации, который внимательно следит за нашей работой.

– *Как идет подготовка новой молодой смены разведки?*

– В настоящее время СВР не испытывает проблем с подбором молодых кадров. Служба привлекает к себе молодежь перспективной интересной работой, уникальной профессиональной подготовкой, способствующей многогранному развитию личности, хорошим социальным пакетом.

Главное, однако, и для кандидатов, и для нас – это мотивация их решения работать в разведке. Мы ищем, прежде всего, людей, искренне желающих посвятить жизнь защите своей страны. У нас ценятся такие качества как патриотизм, высокая ответственность за порученное дело, дисциплинированность, развитое чувство товарищества, инициатива. Кроме того, молодой человек должен быть хорошо образован, обладать широким кругозором, гибким умом и оставаться неравнодушным по отношению к людям и окружающему сложному и противоречивому миру.

Обучение молодежи не заканчивается в нашей Академии. После ее окончания начинается подготовка к командировке, углубление языковых и страноведческих знаний – словом разведчик учится всю свою жизнь.

– *Какова судьба разведчиков, уходящих в отставку?*

– Служба старается не бросать своих отставников и в меру имеющихся возможностей заботиться о них. Для нас они – носители традиций и бесценного оперативного опыта, который нужно передавать молодежи. Мы уделяем особое внимание реализации предусмотренных законом мер по усилению социальной защищенности ветеранов, оказанию им дополнительной финансовой помощи, улучшению медицинского обслуживания и жилищных условий. У нас активно работают объединения ветеранов разведки, которые также оказывают поддержку пенсионерам.

А жизнь в отставке, разумеется, у всех складывается по-своему. Некоторые наши отставники успешно работают на гражданской службе и в частном бизнесе. Другие полностью посвящают себя семье. Расхожая сентенция о том, что разведчик навсегда остается разведчиком, справедлива не всегда. Но для большинства наших отставников Служба действительно остается важнейшим событием их жизни, они болеют за судьбу СВР, они являются нашей совестью и хранителями идеалов верности Родине и долгу.

– Как и чем живет разведка в дни празднования своего 90-летия?

– Несмотря на юбилейные торжества, разведка не снижает темпов своей деятельности, не ослабляет усилий по добычанию, обработке и анализу информации. В нашей штаб-квартире идет напряженная, планомерная работа.

И в эти дни мы стремимся оперативно реагировать на раз-

вители ситуации в том или ином регионе, своевременно выработать соответствующие предложения руководству нашего государства. Поэтому и нашим товарищам «в поле», и нам в Центре приходится работать, не считаясь ни со временем, ни с наступившими торжествами.

Хочу отметить, что в эти дни Служба внешней разведки получает большое число поздравлений от наших коллег из других силовых ведомств от представителей государственных, общественных организаций, от граждан России. Большое спасибо всем за теплые слова и поздравления. Со своей стороны желаю им доброго здоровья и успехов.

Часть первая. Герои разведки

Итак, Герои разведки названы. О некоторых из них, которым присвоены звания Героев Советского Союза и Героев России, мне бы хотелось рассказать в этой первой части книги. Получилось так, что был, не побоюсь этого слова, хорошо знаком с Героями России – атомными разведчиками Владимиром Борисовичем Барковским и Александром Семеновичем Феклисовым. В друзья к Моррису Коэну себя не записываю, но оказался единственным российским журналистом, больше четырех часов проговорившим с Героем России, который, будем откровенны, с помощью жены, тоже Героя России, Лоны Коэн доставил прямиком в руки разведки важнейшие документы по атомной бомбе. Не считите за нескромность, но Герой России Геворк Андреевич Вартамян и его супруга Гоар Левоновна из главных персонажей моих книг постепенно превратились в друзей. С Героем России Алексеем Михайловичем Козловым мы довольно долго призывали друг к другу. Но постепенно нашли общий язык и сохраняем отношения добрые и уже многолетние. Лишь издали – да и то на футболе – видел страстного болельщика, заметьте, «Спартак», не «Динамо», Джо Ковалья, как оказалось тоже атомного разведчика, которому звание Героя России было присвоено уже посмертно, в 2007-м. И еще об одном Герое, чье имя неизвестно, расскажу буквально на од-

ной страничке, потому что пока нельзя. И даже имени не назову, ибо вряд ли будет когда-нибудь можно. Но хочу, чтобы читатели знали: такой человек был. И дела его остались, как и память о том, что он свершил.

Сильный духом

Однако начну с Дмитрия Медведева. Знаменитый партизанский командир, обласканный славой и увенчанный званием Героя Советского Союза. Автор книг «Сильные духом» и «Это было под Ровно», известных каждому советскому школьнику. Полковник-чекист, на которого призывали равняться. И человек, перенесший опалу, ссылку, смерть брата, сгинувшего в ГУЛАГе. Статный красавец Дмитрий Николаевич Медведев умер в 56 лет от сердечного приступа. Еще при жизни он стал легендой. О неизвестных штрихах его яркой судьбы мне многое рассказал писатель Теодор Гладков, а затем и сын Медведева – Виктор Дмитриевич. Это глава написана благодаря им.

В ЧК Медведев пришел в 1920-м. Тогда же принят в партию – и оставался всегда правоверным коммунистом. Орден в те времена было маловато, однако наградами Медведева не обделяли: именное оружие, золотые часы, серебряный портсигар. А в 1932-м одним из первых на Украине получил звание Почетного чекиста.

Прославился Медведев тем, что раскрыл в Крыму мощную контрреволюционную организацию. Внешность у сына мастера-сталевара из-под Брянска была аристократическая, выправка – гвардейская. Этим и воспользовались. Знали, что в Крыму ждут эmissара из-за кордона. Его роль сыграл Мед-

ведев. Проехался по всем отделениям, выдавая себя за должданного посланца «оттуда». В результате тех гастролей арестовано чуть ли не пять сотен человек.

Кстати, с киношной внешностью Дмитрия Николаевича связана забавная история. Только-только получил назначение в Одессу, где его утвердили начальником отдела. Через пару дней заместитель Медведева прибежал к нему в панике:

– Ваш портрет метр на метр висит в фотоателье на Дерибасовской.

Оказалось, снял его уличный фотограф просто так, как щелкал сотни прохожих. Но проявили пленку, и увидели, что мужчина – ну прямо киногерой. И вывесили на витрину как завлекаловку: вот какие у нас снимаются. Фото все-таки пришлось убрать.

У вечно занятого борьбой с врагами Дмитрия Николаевича находилось время и на дела иного рода. Во времена жуткого голода на Украине чекисты во главе с Медведевым создали за свой счет коммуну для беспризорных ребятишек. Собирали деньги, отдавали продукты из собственных пайков. Даже с благотворительными концертами выступали. Устроили и лотерею с немедленной выдачей выигранного. Медведев пожертвовал в качестве главного приза небывалую по тем годам ценность: новенькие хромовые сапоги. Да, такого человека было за что любить и примечать наградами.

И вдруг в 1936-м – травля. Брат, член партии с 1912-го года, оказался оппозиционером, и Медведева исключают

«из рядов». Заявления, просьбы, напоминания о собственных заслугах – ничего не помогает.

Но было в характере Дмитрия Николаевича нечто, довольно точно подмеченное чекистскими кадровиками: «Характер мягкий, но строптивый». И в 1937-м помощник начальника управления НКВД Харькова (тогдашней украинской столицы), самовольно приезжает в Москву. Бросает в ящик письмо безжалостному наркому Ежову и самому Сталину. Суть послания: «Сию в зале Курского вокзала у бюста товарища Сталина и прошу за мною приехать. Если меня не примете, объявляю голодовку». В НКВД поднялся переполох. Почетный чекист имел право носить оружие и без особого разрешения входить в любое помещение органов, кроме тюрьмы. А вдруг окажет сопротивление и станет стрелять?

Короче, за Медведевым приехали и разобрались. Был он капитаном госбезопасности – чин, равный армейскому полковничьему. Решили не сажать. Даже оставить в партии и в НКВД. Но не в главном управлении госбезопасности, откуда за строптивость Медведева убрали. Перевели в ГУЛАГ.

Сначала его отправляют на строительство Беломоро-Балтийского канала в Медвежьегорск. Затем перебрасывают еще дальше – в Норильск. По существу, та же ссылка.

И здесь опальный Почетный чекист вновь проявил строптивость. Заключение, отбывших свое, освобождать было не принято, навешивали им обязательно второй срок. А Медведев людей освобождал. Разразился жуткий скандал. И

в конце 1939-го Дмитрия Николаевича уволили из органов с уникальной формулировкой: «за необоснованное массовое прекращение следственных дел». Но поднимать шум не решились, и в официально-парадной биографии героя до сих пор значится стандартное: «Уволен по состоянию здоровья». Медведеву был тогда 41, а выслуга лет с учетом войн – 42 года.

Накопленных за десятилетия службы денег хватило на покупку маленькой дачи в Подмоскowie, где Медведев со своей второй женой и обитал до 22 июня 1941-го. Парадокс, но война спасла от новых крупных неприятностей. Чекист-пенсиянер встал на партучет в Люберцах, где его сделали лектором. И со свойственной прямоотой на одной из лекций рубанул: пакт с Германией вот-вот рухнет, к неизбежной войне надо готовиться. Донос последовал немедленно, закрутилось дело...

Но в первые же дни войны в НКВД была создана особая группа при наркоме. Потом она превратилась в 4-е Управление во главе с генерал-лейтенантом Павлом Судоплатовым. Цель – организация разведки и диверсионной, боевой работы на оккупированной территории. Опытных людей катастрофически не хватало. И тогда Судоплатов обратился к Берии с просьбой освободить из тюрем и лагерей чекистов, которых еще не успели расстрелять. Так вышли на свободу известные разведчики Зубов, Серебрянский, Каминский... Вернули выгнанных Медведева, Фишера (Абея), Лукина...

Медведев ушел в немецкий тыл в августе 41-го. По образцу того первого разведывательного отряда, названного по имени командира «Митя», строились и остальные. В составе – разведчики, контрразведчики, пограничники, спортсмены-динамовцы.

«Митя» действовал в тылу до января 42-го. Медведев объединил специфическую чекистскую работу с массовым партизанским движением. Но для этого Дмитрию Николаевичу пришлось опять рискнуть. По Иосифу Сталину, все военнопленные считались изменниками Родины. А Медведев брал к себе бежавших из лагерей и окруженцев.

«Вам забросят агентов гестапо», – стращали большие начальники. «На то мы и чекисты, чтобы разобраться», – отвечал командир. И действительно раскрывал агентов. А военнопленных не отталкивал, брал, и те не подводили. Уходило с Медведевым 33 человека, вернулось 330, да еще несколько отделившихся от «Мити» отрядов остались за линией фронта.

Не боялся он использовать и местных жителей, которые по каким-то причинам оказались сотрудниками оккупационных учреждений. Не принято это было до Медведева: всех таких поголовно считали предателями.

И еще невероятно важное: именно Медведев начал первым проводить боевые операции силами нескольких партизанских отрядов. Иногда по согласованию с командованием Красной Армии. Так, в разгар немецкого наступления на

Москву четыре отряда перерубили железнодорожные ветки, на которых скопилось три десятка эшелонов, а наша бомбардировочная авиация точно в оговоренный час одним налетом их вдребезги разбила.

Случалось, донесения групп Медведева доходили даже до Сталина. С ними знакомились начальник Генерального штаба маршал Шапошников, Жуков. Первый свой орден Ленина из четырех Медведев получил за «Митю».

Дважды за это время Медведева ранили. Один раз – в коленную чашечку, и печальный исход был тогда уж совсем близко. Но вынес из боя и тащил своего командира несколько километров, утопая в глубоких снегах, верный адъютант. Такое было под силу только человеку неимоверной воли и физической мощи. И того, и другого было в достатке у абсолютного чемпиона СССР по боксу, тоже легендарного Николая Федоровича Королева.

За первым отрядом был второй, потом третий. А последним своим боем израненный Медведев командовал, сидя на стуле, будто Наполеон...

Потом Москва, госпиталь. Выяснилось, что поврежден позвоночник: никак нельзя было с его солидным весом и ростом прыгать с парашютом. Он же, конечно, прыгал.

В 1946-м пришлось уйти из органов. Может, и лучше? Новый министр НКВД Абакумов принялся сажать и расстреливать тех, кто сидел или был в опале до 1941 года и кого не убили немцы. Переживал Медведев тяжело, однако и здесь

выдюжил. Страна зачитывалась его книгами «Это было под Ровно», «Сильные духом». Школьники сбегали с уроков, а студенты с лекций, чтобы послушать медведевские передачи по радио: тогда впервые и прозвучали имена Кузнецова, Приходько, Цесарского.

Написал он и книгу «На берегах Южного Буга» – о винницком подполье. И тут закрутилось невероятное. Недобитые бандеровцы подняли грязную волну. Героев Медведева объявили предателями, бандюг же и прихвостней превозносили. Бывшее ведомство чекиста-героя хранило непонятное молчание. Зато некоторые газеты поддержали травлю.

Откуда такие злоба, зависть?.. 14 декабря 1954 года, в своей квартире в Старопименовском переулке, он говорил об этом с боевым другом Валентиной Довгер. Валя вышла на кухню сварить кофе. Вернулась – Медведев был мертв. Сердце не выдержало.

Потом эту улицу, где жил и умер Медведев, называли его именем. А недавно опять переименовали. Господи, ну Медведев-то чем и нам, нынешним, не угодил? Простите, Дмитрий Николаевич...

Думал я, что ничего нового о Медведеве уже не отыщется. Но повезло. Так бывает, нечасто, но бывает. Иногда по прошествии лет находят меня родственники героев моих книг и фильмов. Не скрою, приятно. Значит, читали, приняли, и, преодолев понятное стеснение, решили поведать нечто новое о родителях. Всегда встречи эти и трогательны, и полез-

ны. Кому как не дочерям с сыновьями – о родителях.

Разыскал меня Медведев – младший. Договорились о встрече, и когда Виктор Дмитриевич появился в кабинете, чувство было такое, будто заглянул в гости сам знаменитый разведчик. Гены не подвели, сходство – поразительное.

– Об этом говорят многие, – улыбнулся Виктор Дмитриевич. – Похож. Горько, но отец ушел рано, в 1954-м, было ему всего-то 55, я родился в 1947-м. Совсем мальчишка, но детские годы, постоянное общение с отцом запомнились. Папа уже в отставке, работал дома, а я учился в школе, в двух шагах от дома, и много время мы проводили вместе. И мама моя, от которой у папы секретов не было, часто о нем рассказывала, память об отце в нашем доме осталась, хранится.

Не претендую на роль историка или единственного свидетеля. Пришел к вам, чтобы показать вот эти рисунки. Когда моя мама весной 1968-го уже после ухода отца лежала в госпитале КГБ на Пехотной, подошел к ней интеллигентный немолодой человек. Узнал, что она – вдова Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Оказалось, знаменитый нелегал Рудольф Иванович Абель. Подарил маме четыре миниатюры, вот, видите, на одной даже посвящение «Татьяне Ильичне Медведевой и сыну Виктору от почитателя Вашего отца и мужа. 25.IV.-68. Р. И.Абель». Больше 40 лет прошло, и мамы моей нет, а рисунки храню.

– Вы знаете, они мне знакомы. Вильям Генрихович эти крошечные пейзажики, в основном виды Подмосковья, что

недалеко от его дачи, преподносил с дарственными надписями близким. И, вот она дисциплина, почти всегда подписывался не Фишером, а Рудольфом Абелем. Кое в чем судьба его схожа с вашим отцом. Два великолепных профессионала были отстранены от работы в органах. И обоих вернули в начале войны. Вашего отца раньше, Абеля – Фишера – чуть позже.

– Отца попросили из органов осенью 1939-го. Сказали: по состоянию здоровья.

– В те страшные времена могло быть и хуже.

– Отец поселился в Томилине. Там и жил до войны.

– Медведев был человеком справедливым, тех мерзостей, что некоторые творили в НКВД, не терпел. Правда ли, что одним из формальных предлогов для отстранения от службы стал арест брата?

– Давайте начнем с того, что в семье, жившей в Бежице, недалеко от Брянска, было 13 детей. Выжили девять. Четыре брата, пять сестер.

– И все четыре брата работали в ЧК?

– Все четыре. Старший Александр, большевик еще с дореволюционным стажем, участвовал в партийных съездах, стал первым председателем Орловского ЧК. Был репрессирован как якобы участник «рабочей оппозиции». Погиб в лагерях. И тут пострадали все остальные братья. Не вернулся из лагерей Михаил – самый младший. Второй брат, Алексей, на год папы старше, сидел, но выжил, возвратился. А отца – по-

просили «по здоровью».

– И только когда немцы уже были совсем близко от Москвы, вмешались в его судьбу Берия и Судоплатов.

– Расскажу вам так, как это воспринималась отцом и нашей семьей. Война началась, и папа приехал из Томилина, где обосновался, в Москву, пошел к Берии и пробился. Говорил о Денисе Давыдове...

– О том самом гусаре, что командовал партизанскими отрядами в 1812-м, когда Наполеон захватил Москву.

– Были у отца именно такие аналогии. С первых дней войны, в конце июня, понял, к чему идет, чем может закончиться. Партизанское движение, действовавшие в тылу противника отряды можно было создавать по примеру тех, что возглавлял Давыдов. И почему бы нам не сделать то же самое. Я об этом герое услышал очень рано. Еще когда мама давала мне читать отцовский дневник.

– Ведение дневников не поощрялось, особенно во время войны.

– Но отец, вернувшийся на службу в июне 1941-го, его вел, писал, возможно, и не очень регулярно. Записи сохранились. Они, по-моему, достояние органов, потому что есть там некоторые такие сведения... Но я сам читал отцовское: «был на приеме у ЛП», «говорил с ЛП». Спрашиваю, это уже потом в 1960-е, в 1970-е даже: что за ЛП? Объяснили – Лаврентий Павлович Берия. Бывал мой отец у ЛП, он пробивал эту идею. Создание отрядов, заброски в тыл врага.

– Считается, что это идея любимца Берии, генерала Павла Судоплатова.

– Отец через Судоплатова и шел. У него с Павлом Анатольевичем были нормальные отношения. Судоплатов, посаженный после расстрела Берии, вернулся, отсидев долгие годы во Владимирском центральном. Он к нам приходил 14 декабря – это день смерти отца. Когда мама была жива, в нашей квартире, тогда еще в Старопименовском переулке, потом в честь отца на улице Медведева, теперь вот снова Старопименовском, собирались все оставшиеся друзья, близкие. Каждый год, и много народу. Партизаны, чекисты, в том числе и Судоплатов, еще несколько переживших ссылки – лагеря. В 1950-е возвращались отца знавшие. Люди – самые разные. Некоторые говорили на иностранных языках блестяще. Не поверите, но среди них были и изучавшие английский там, в ссылке. Вот такой контингент вернувшихся.

– Вы знаете, мне до сих пор многое в отношении тогдашних властей к вашему отцу непонятно. В 1944-м – присвоение звания Героя Советского Союза, в 1946-м – четвертый орден Ленина, и тут же в 48 лет – отставка. И генерала не дали.

– Оставался отец полковником. Что я вам могу тут сказать? Был я мал, но помню, папа переживал. Конечно, не из-за чинов. Но работал, выступал с воспоминаниями. И заметили его. «Там» намекнули, что слог хороший, может быть, что-нибудь напишите? И порекомендовали молодого

выпускника факультета журналистики, чтобы помогал в литературной работе. Это был Анатолий Борисович Гребнев.

– Тесен мир. Очень хорошо мне знакомый человек. Стал он потом одним из лучших сценаристов нашего кино.

– А тогда они вместе написали пьесу «Сильные духом», она и в Москве шла. Союз их творческий продолжился. Гребнев помогал в литературном плане, и когда писалось «Это было под Ровно», и в последующих книгах. Заходили они с женой Галиной к нам в Старопименовский. А с Анатолием Гребневым мы общались до самой его кончины. Он и на свадьбе у меня был.

– Гребнев с супругой – родители моего школьного друга – сценариста и кинорежиссера Александра Миндадзе.

– Да, тесен мир. Книгу «На берегах Южного Буга» Гребнев доделывал, потому что отец умер, когда она еще не вышла. У папы, как раз были большие неприятности с этим Винницким подпольем, и книгу по ряду причин не могли издать.

Тут, знаете, у меня воспоминания детские, но яркие. Мне шесть лет, в школу еще не пошел. Наша квартира одно время превратилась в общежитие. Я, маленький, вставал рано и буквально переступал через спавших повсюду людей. Это начались в Виннице гонения на членов винницкого подполья. Времена-то суровые, 1953-й год, и в Москве они, приехавшие с Украины, просто физически выживали. Здесь, и при помощи отца тоже, их как-то сохраняли, отбивали.

– Что же это было?

– Были какие-то непонятные для меня трения между украинскими чекистами и московскими. А люди, рисковавшие в войну в подполье, приезжали спасаться в Москву. Понятно, приходили к отцу. В Виннице, видно, подняли головы бывшие националисты. Я сейчас, рассказывая о папе, не хотел бы слишком глубоко, чтя его светлую память, в этот сложный вопрос вдаваться. Но многие, кто служили полицией, кто выпускал винницкую фашистскую газету, вдруг оказались патриотами. И устроили гонения на тех, о подвигах которых отец с таким уважением писал в книге «На берегах Южного Буга». Да, это была большая война. И «Литературка», которую возглавлял фронтовик Константин Симонов, плохо выступила. Поддержал он ту сторону конфликта. Почему? Не ко мне, я мал был, особо ничего не понимал, все знаю уже по рассказам. А в нашей большой квартире просто проходной двор, люди приезжали и жили, потому что в Виннице и в Киеве их бросали в застенки.

– Отец рассказывал вам что-нибудь такое, что не вошло в книги?

– Он вообще о том говорил сравнительно мало. Ну, к примеру, был такой день, который он всегда считал своим вторым днем рождения, когда спасся вопреки всему.

– Может, день, когда его, тяжело раненного, вынес из боя абсолютный чемпион СССР по боксу Королев?

– Нет. Королев спас его в первом отряде – «Митя». А то

случилось уже во втором отряде «Победители», когда папу ранили. И хотя отмечали всегда как день рождения настоящую дату – 22 августа, отец вспоминал часто о совсем другом дне.

Он всерьез занимался литературным писательским трудом. Сидел, печатал на машинке как раз книгу «На берегах Южного Буга». И я почему-то рано научился читать. Ходил гулять в Пушкинский сквер, и видел бегущую строку над одним из зданий. Спрашивал, что за буквы, мне объясняли, и как-то неожиданно прочитал то, что бежит. На меня посмотрели удивленно. Мои успехи в деле чтения бегущей строки на «Известиях» решили продемонстрировать папе, он пошел со мной, я начал читать. Очень бодро прочитал первые бегущие буквы «Три кота» и, довольный, обернулся. Папа меня поправил, не «Три кота», а «Трикотаж», не хватило терпения дожидаться последней буквы слова, если и так все понятно. А что такое трикотаж, я и представить не мог, мне начали объяснять. Все равно ничего не понял.

Отец спросил: кто научил читать? Взрослые, со мной гулявшие, этим не занимались. И я, совсем ребенок, вроде как подчитывал книгу «На берегах Южного Буга», которую давал мне отец. Я еще помню, там есть глава «Волк в овечьей шкуре». Удивляюсь, пап, что это, как понять? Он говорит: такое есть выражение. Объяснял популярно, что это предатель претворяется, прикидывается. Спрашивал у него значение еще нескольких слов. Папа научился печатать, и я тоже,

даже печатал довольно быстро. Была у него большая немецкая машинка.

Как-то маленьким гулял во дворе и встрял в какую-то передрагу: за кого-то заступился, подрался, пострадал, но победил. Мне это показалось по-детски необычайно важным, пришел домой взбудораженный и подробно рассказал папе все перипетии, запросив его оценку. Папа сказал, что, во-первых, я поступил благородно, заступившись за кого-то, а во-вторых, я поступил нехорошо, потребовав за это похвалы. Другими словами, но смысл таков. Я это запомнил на всю жизнь. Очень часто, уже будучи взрослым, встречал людей, которые были благодарны отцу за помощь. Никто об этом не знал, даже мама. Он мог помочь устроиться на работе, подбросить денег, дать полезный совет. И никогда не афишировал. Не принято это было у нас дома.

Хотя существовали некие сложности, о которых в семье волей-неволей говорили. Кого-то из знаменитых людей, писавших о партизанах, о подполье, принимали в члены Союза писателей, особенно на Украине, кого-то, как отца – нет.

– Непонятно почему?

– Действительно непонятно.

– Ведь он уже стал профессиональным литератором: «Отряд идет на Восток», «Это было под Ровно», «Сильные духом», вами упоминавшаяся «На берегах Южного Буга», пьесы... Многие его книги читают и сегодня.

– Можно сказать, да. Наверняка не слышали, – есть у него еще одна незаконченная повесть. Должна была по замыслу отца называться «Астроном». Это биография одного винницкого подпольщика, который там погиб. И папа взялся исследовать, изучать его жизнь с детства.

– Правда ли, что отец ваш внезапно скончался у себя в квартире на руках разведчицы Валентины Довгер? Она вышла на кухню, а вернулась...

– Так и было. Довгер часто у нас бывала, приезжала из Воронежа. У них общее партизанское прошлое, общие друзья.

– Разведчик, будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов был в отряде у вашего отца. Об обстоятельствах гибели Кузнецова много разговоров.

– Досужих, что могло быть так, а может, и иначе. Долго ведь искали – где, чего, куда? Обстоятельства гибели под вопросом: что было, как все это происходило?

– Историк разведки Теодор Гладков считает, что ответ все же может быть найден. Полагает, что немецкие документы, попавшие в руки американцев, и сейчас у них в архивах.

– Думаю, в живых нет никого, кто мог бы рассказать. Но кое-что и кое о ком вспомнить можно. Вот вы в одной из своих книг упоминаете о семье нелегалов Гринченко, работавших в Латинской Америке. А ведь Симона Гринченко (Кримкер) была в партизанском отряде под Ровно у отца, ее в книге тогда нельзя было упоминать, а в дневниках о ней много написано. Вся наша семья с Симоной очень тесно об-

щалась, когда папа был жив, и после его смерти. Летом 1955 года, первый год без папы, мы снимали дачу в Малаховке. И заехала к нам в гости странная семья, в составе Симоны и двух ее детей помоложе меня. Дети ни слова не понимали по-русски! Она с ними объяснялась, как я потом понял, на испанском. Только-только возвратились оттуда, и малыши даже не знали, не понимали, что они русские! Запомнилось.

И еще воспоминание, тоже навеяно одним вашим героем-разведчиком, жившим на улице Полянке. Дело в том, что в 1972-м мы разменяли нашу квартиру в Старопименовском на две, разъехавшись с мамой. Кстати, в квартиру на Старопименовском вселился известный артист балета и впоследствии хореограф Михаил Лавровский.

– Виктор Дмитриевич, мир не тесен, а мал. Его отец Леонид Лавровский жил с нами не то, что в одном доме и подъезде, а этажом ниже, прямо под нами в доме Большого театра на Тверской, тогда улице Горького.

– Так вот, я переехал в дом на Полянке, где теперь станция метро. И у меня создалось впечатление, что в нашем подъезде все, или почти все, были оттуда же, где раньше работал отец. Причем попадались довольно странные экземпляры. Дверь в дверь напротив жили пожилой вроде бы армянин с женой. Он практически не говорил по-русски и ни с кем не общался. Единственный раз попросил меня помочь, когда его жене стало плохо. Зашел я в квартиру, никакой мебели, одна плохонькая кровать и что-то на кухне. Еще на эта-

же жил очень немолодой мужчина, немецко-прибалтийского вида, по-русски не совсем не понимавший. Во всяком случае, за десять лет проживания там я не слышал от него ни единого слова. Жил еще генерал – с ним мы общались даже за пивом в заведении напротив. И судя по другим жильцам подъезда, которые практически не скрывали своей профессиональной принадлежности, все это были возвратившиеся нелегалы, так и не адаптировавшиеся к нашей жизни. Сколько лет прошло, было бы любопытно узнать: кто это такие.

– Но никогда не узнаем. Вы, судя по всему, по отцовским стопам не пошли?

– Нет, долгие годы был преподавателем, сейчас работаю в Центробанке.

ИЗ ДОСЬЕ

Медведев Дмитрий Николаевич – Герой советского союза, кавалер четырех орденов Ленина, 1898 года рождения, а на самом деле – 1899-го – прибавил год, чтобы в 1918-м взяли в Красную Армию. В ВЧК – с 1920-го. Работал в разных городах страны, а с 1936-го направлен на работу в ИНО (Иностранный разведывательный отдел). По некоторым данным, два года находился за границей. справедливый и бескорыстный, Медведев не признавал липовых дел, за что подвергался гонениям. Увольнялся из органов. один из главных организаторов и идеологов партизанского движения. дважды его отряды «Митя» (1941–1942) и «Победители» исключительно успешно действовали в

тылу врага. отряд Медведева уничтожил более 12000 немецких солдат и офицеров. Из них 11 генералов. Это у него в «Победителях» (кодовое наименование «Разведывательно-диверсионная резидентура РДР 4/190») действовали легендарный разведчик Николай Кузнецов и будущий нелегал, а тогда радистка, Африка де Лас Эрас. После войны ушедший в отставку «по состоянию здоровья» Медведев написал несколько прекрасных книг о своих соратниках-партизанах.

Герой с трагическим оттенком

О деятельности нашей разведки во время Великой Отечественной войны известно и много, и, в тоже время, как ни странно, мало. Много, потому что набор известных имен и совершенных подвигов очерчен довольно широко и точно. Мало, ибо только сегодня появилась возможность пока еще не узнать — лишь догадываться, как все было на самом деле. Завеса секретности еще не снята — она приподнята. Неожиданно выясняется, что среди всенародно воспетых героев-партизан и фронтовых разведчиков едва ли не большинство — кадровые сотрудники разведки. По крайней мере, таков мой личный вывод.

И о Николае Кузнецове написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы. Соратник легендарного Дмитрия Николаевича Медведева и бесстрашный партизан, советский разведчик, 16 месяцев действовавший под личиной обер-лейтенанта Пауля Зиберта, и бесстрашный исполнитель смертельных приговоров фашистской элите.

ИЗ ДОСЬЕ

Кузнецов Николай Иванович (1911–1944), русский. Профессиональный разведчик. В период Великой Отечественной войны руководитель разведывательно-диверсионной группы в городе Ровно Украинской ССР.

Работал под видом офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта. с 25 августа 1942-го по 8 марта 1944 года провел ряд разведопераций, добывая сведения стратегического характера. Так именно Кузнецов сообщил о готовящемся в Тегеране покушении немцев во главе с Отто Скорцени на Большую тройку – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Проводил операции возмездия. Убит бандеровцами в ночь с 8-го на 9-е марта 1944 года. звание Героя советского союза присвоено посмертно, в 1944-м, награжден также двумя орденами Ленина.

Однако в жизни разведчика Николая Кузнецова многое до сих пор под грифом «секретно». Помогает снять этот гриф исследователь и историк разведки Теодор Гладков. Он работал с закрытыми архивами годами, «перелопатил» 300–400 томов. В том числе получил возможность ознакомиться с почти пятьюдесятью томами дела партизанского отряда «Победители», которым командовал другой Герой Советского Союза – Дмитрий Медведев и личного дела самого Кузнецова. Так открывались новые странички в биографии.

– Теодор Кириллович, вроде бы о Николае Ивановиче Кузнецове известно все. Но именно в новом XX веке о нем пишут и рассказывают столько... К уже сложившемуся и устоявшемуся образу безупречного героя добавляются новые черты. Кузнецова обвиняли чуть ли не в стукачестве: до войны, якобы, доносил на своих. Он и холодный убийца, и двойной агент, и оболститель – чуть даже не сводник, под-

кладывавший балерин из Большого чужим дипломатам.

– Стоп-стоп... Много трепя, ерунды, домыслов, сознательного искажения. Иногда желание приукрасить. Бывает, что и очернить. Но почему такой огромный интерес к Кузнецову? Наверно, и потому, что фигура необычайная, совсем для своих времен не типичная. И, это уж точно, не только, бесспорно, героическая, но и во многом трагичная.

Кем на самом деле был разведчик Кузнецов?

Действительно, есть в биографии Кузнецова кое-что неясное, недосказанное, о чем раньше предпочитали как-то умалчивать. Может это, до поры скрываемое, и дало повод к пересудам?

– Теодор Кириллович, в до сих пор заслуженно популярной книге Медведева «Сильные духом», написанной в начале 50-х и, наверно, чуть не сотню раз переизданной, автор мимоходом писал, что один из его подчиненных привел к нему Кузнецова в феврале 1942-го. Новый партизанский отряд Медведева как раз готовили к заброске в тыл фашистам, и Николай Иванович, инженер одного уральского завода, был представлен Медведеву как человек, прекрасно владеющий немецким и способный сыграть роль офицера вермахта. Позвольте вопрос прямой: сотрудничал до войны Кузнецов с органами или нет?

– Сотрудничал. Когда партизанский командир Дмитрий

Медведев писал книгу «Сильные духом», прославившую и его, и погибшего в 1944-м Кузнецова, он не имел возможности рассказать о разведчике всю правду. «...Отряд Медведева должен был лететь под Ровно, и к ним пришел московский инженер, сказал, что знает немецкий. А через месяц появился Пауль Зиберт...» – написано в книге. Это – сказка для маленьких детей. Разведчики так не рождаются. На самом деле Кузнецов был с 1930-х годов негласным сотрудником службы госбезопасности, работал на разных предприятиях Урала. А то, что он учился в Индустриальном институте, писал диплом на немецком, – чушь. Только годы спустя, в 1970-х, начальство тогдашнего КГБ впервые разрешило написать, да и то единственной строкой, что Кузнецов «с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности». Из загадочной и ничего, в сущности, не раскрывающей формулировки, следует, что 25 августа 1942 года в немецкий тыл приземлился с парашютом не просто подготовленный на скорую руку инженер с Урала, а достаточно опытный чекист, уже четыре года проработавший в органах. А сравнительно недавно удалось выяснить, что на самом деле к тому времени профессиональный стаж Николая Ивановича исчислялся не четырьмя – десятью годами.

– Но это же опровергает все расхожие и такие привычные представления о Кузнецове.

– Уже с июня 1932-го Николай Кузнецов – специальный

агент. Предложение работать в ОГПУ-НКВД принял потому, что был патриотом, да и отчасти благодаря юношескому романтизму.

Первый псевдоним – «Кулик», затем «Ученый», позднее «Колонист». В медведевском отряде действовал под именем красноармейца Николая Васильевича Грачева. А, к примеру, в Свердловске, куда летом 1934 переехал из Кудымкара, он значился статистиком в тресте «Свердлес», чертежником Верх-Исетского завода, наконец, расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. На самом деле числился в негласном штате Свердловского управления ОГПУ-НКВД. За четыре года в качестве маршрутного агента исколесил вдоль и поперек весь Урал. В характеристике того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

– С кем же Кузнецов завязывал полезные для ОГПУ знакомства?

– На Уралмаше, на других заводах трудилось в те годы много иностранных инженеров и мастеров, особенно из Германии. Собственных-то специалистов не хватало. Одни приехали еще в 1929-м во время кризиса, чтоб заработать – платили им в твердой валюте. Другие искренне хотели помочь Стране Советов. А были и откровенные недруги: шеф-монтер фирмы «Борзиг» демонстративно носил перстень со сва-

стикой. Обаятельный и общительный Кузнецов умел легко сходиться с людьми разными – и по возрасту, и по социальному положению. Встречался с ними на работе и дома, беседовал по-немецки, обменивался книгами, грампластинками. Сестра Лида, тоже жившая в Свердловске, переживала за брата: такое общение с иностранцами могло ой как аукнуться брату. Но Николай только подсмеивался. О его связи с органами никто из родни так и не догадался – тоже немалое достижение для разведчика. А он стремился, словно чуя, как сложится дальнейшая судьба, перенять у немцев манеру поведения. Иногда копировал их манеру одеваться, научился носить хорошо отутюженные костюмы, к которым подбирал по цвету рубашки и галстуки, красовался в мягкой, слегка заломленной шляпе. Стремился быть в курсе новинок немецкой литературы, обращая внимание и на научно-техническую, и частенько заглядывал в читальный зал библиотеки Индустриального института. Отсюда, кстати, и миф: Кузнецов закончил этот институт и даже защитил диплом на немецком.

– Хорошо, общался молодой сотрудник Кузнецов с иностранцами, сходился с ними. А какой навар от этого чекистам?

– Как какой? Спецагент Кузнецов без дела не сидел. Представьте тот же «Уралмаш» – центр советской военной промышленности. Там масса иностранцев, в том числе и немцев. Понятно, были и их разведчики, и завербованные ими

агенты. Многие уехали, но завербованные – остались. А Кузнецов вел себя, но не явно, не в лоб, с присущим ему актерским талантом, как человек, заинтересованный в знакомстве с иностранцами. Сообщал о настроениях, выявлял агентов. Тут и наводка, и вербовка, и проверка, и установка.

– Сколько специфических терминов.

– Даю прямой ответ на ваш вопрос, и как без специфики. Работал Кузнецов и по сельскому хозяйству: в район, где он трудился в Коми, ссылали кулаков. Конечно, многих в кулаки записывали понапрасну. Но были, были и кулацкие восстания, и убийства активистов, селькоров, настоящее, а не липовое вредительство. Так что таксатор Кузнецов получил право ношения оружия. Не только винтовки, как все лесники. Был у него наган. Человек уходил в лес, а там убивали почтальонов, таксаторов, тех, кто представлял власть.

– Но как же Кузнецов оказался в Москве? Кто конкретно рекомендовал парня с непростой биографией в столицу?

– Сложная история. Отыскал его в Коми новый нарком НКВД, бывший партийный работник Михаил Иванович Журавлев. Отправили его на укрепление чекистских рядов, и быстро дослужился до министра. Звонит он в Москву в Управление контрразведки и докладывает своему учителю Леониду Райхману...

– Тому самому, которого обвиняли в пособничестве Берии?..

– Я отвечаю на ваш вопрос о Кузнецове, не вдаваясь в по-

дробности биографии Райхмана, кстати, одного из бывших мужей знаменитой балерины Ольги Васильевны Лепешинской. Журавлев докладывает: «У меня тут есть парень фантастических актерских и лингвистических способностей. Говорит на нескольких диалектах немецкого, на польском, а здесь выучил коми, да так, что стихи на этом сложнейшем языке пишет». А у Райхмана как раз кто-то из его нелегалов, приехавших из Германии. Соединил с ним по телефону Кузнецова, поговорили, и нелегал не понял: спрашивает у Райхмана, это что, звонили из Берлина? Назначили Кузнецову встречу в Москве. Так и попал в столицу.

– Вот и знакомство с Лубянкой.

– В здании на Лубянке Кузнецов ни единого раза в своей жизни не появлялся.

– Боялись пускать?

– Таких агентов было немного. Их не светили никогда. Могли сфотографировать человека, входящего в здание и конец работе. Первая встреча около памятника первопечатнику Федорову. Потом на конспиративных квартирах, в Парке культуры, в саду имени Баумана. Дали ему жилье на улице Карла Маркса, дом 20 – это Старая Басманная. Квартира была напичкана разной техникой. Все интересующие Лубянку разговоры записывались.

Ловля на живца

– Наверное, сразу отправили новобранца на учебу?

– Какое там. Его поселили под именем Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, 1912 года рождения. На самом деле Кузнецов родился в 1911-м. Выдавал себя за инженера-испытателя Ильюшинского завода и появлялся в форме старшего лейтенанта ВВС Красной Армии.

– Но почему именно старшего лейтенанта?

– Кузнецов сообразил, что его возраст 29–30 лет – как раз для лейтенанта. Легенда, которая притягивала чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускают самолеты.

– Удивительно, что на лейтенанта Шмидта так клюнули.

– Удачно придумано – Рудольф Шмидт, то бишь, в переводе на русский, Кузнецов. Говорит по-немецки, родился в Германии. А что если попытаться использовать, разработать? На такую заманчивую приманку сложно не клюнуть любой разведке. К тому же командир Красной Армии по виду – истинный ариец. И какая выправка. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в летном костюме. Но вот что интересно, или даже характерно. Той летной формы ему никто не выдавал. Он рассказывал Райхману, что сам ее достал, придумал легенду и по ней действовал. Ни в какой армии никогда не служил и воинского звания не

имел. Но как по-немецки подтянут, по-европейски элегантен. Но мы-то теперь знаем: в собственной стране Кузнецов находился на нелегальном положении.

– Где же он работал или хотя бы к чему был приписан?

– В Москве состоял негласно в штате, получал жалованье непосредственно в германском отделении. У Николая Кузнецова даже должность была невероятная, единственная в советской спецслужбе: особо засекреченный спецагент НКВД с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. И окладом довольно большим. У него не было ни звания, ни удостоверения. Все видели, что он активно общается иностранцами. Было столько доносов.

– Вы сейчас показали – будто двухтомник.

– Томами не мерил – куча доносов. Читал я их. Ну, скажу я вам, и писали. Самый активный – сосед по его еще коммунальной квартире: иностранцев водит и вообще.

– Хотя, догадываюсь, доносы попадали в одно и то же место.

– Должны были бы, по идее. Но из-за некоторой неразберихи взяла Кузнецова в разработку и наша контрразведка, установила за ним слежку. Даже клички ему давали – одна «Атлет» за мускулистую фигуру, другая – «Франт» за элегантность в одежде. Могли его рано или поздно взять.

– Разве люди из разведки не предупреждали о Кузнецове своих более простых в привычных действиях коллег?

– Никогда. Это было бы для него еще опаснее. Разведчик не имел права называть свои связи даже соседу по кабинету. Кузнецов был кошкой, которая гуляла сама по себе. Иначе – опасно. Могли, вполне могли и прихватить. Так известного в определенных сферах Ковальского, который завербовал в Париже генерала Скоблина свои же и расстреляли. Хотя и говорил им, кто он. Было это на Украине, а его искал Центр, утративший с ним связь. Кузнецов же из-под наблюдений уходил. Делал свое дело. Вербовал немцев. Добывал секретные документы. Его задача в контрразведке была в том, чтобы на него клюнули иностранцы, в первую очередь агенты немецкой разведки. И генерал Райхман подтверждал: «Мы его ничему не учили». А Кузнецов купил фотоаппарат, и быстренько переснимал передаваемые ему агентами документы – сам научился. И вождение машины тоже освоил сам. Тут было не до учебы в какой-нибудь разведшколе: к тому времени Кузнецова дважды исключали из комсомола. Сначала за то, что отец якобы, кулак, да еще из бывших. Вранье. Была у Кузнецова и судимость. А потом, скажу я вам, еще через несколько лет, когда уже трудился в органах, новый арест. Не до высшего образования – не дали Николаю даже техникум закончить.

– Про арест в органах давайте чуть позже. Но как он в свои молодые годы умудрился заработать судимость?

– Когда как «сына кулака» выгнали из комсомола, то и из техникума отчислили за семестр до окончания. До кон-

да учебы оставалось всего – ничего, а ему всего лишь справка, что прослушал курсы. И 19-летний Кузнецов от греха по-дальше рванул по совету своего товарища в Коми-Пермьяцкий округ. Куда уж дальше. Служил там лесничим, а кто-то из его прямого начальства проворовался. Кузнецов об этом сам и сообщил в милицию. А ему – за компанию – дали год условно и снова исключили из комсомола.

– Для будущего работника органов биография в те годы, да и по нынешним меркам, складывалась напряженно. Прав я или нет, на той первой судимости его органы и прихватили, завербовали?

– Так обычно и бывает. А с Николаем, к моему удивлению, история несколько иная. Однажды в Коми Кузнецов лихо отбилсЯ от напавших на него бандитов. И попал в поле зрения оперуполномоченного Овчинникова. Коми-пермяк по национальности, тот вдруг обнаружил, что недавно приехавший сюда молодой русский не только храбр и силен, но и говорит, причем свободно, на его родном. Да, это он завербовал Кузнецова, быстро поняв, что чисто случайно попал на самородка. А потом в Коми Михаил Иванович Журавлев нашел силы, оторвал такой талант от себя, отдал москвичам. А мог бы Николай до конца дней трудиться в своем далеке.

– Почему все же Кузнецов так и оставался именно самородком, которого и подучить чекистским премудростям не сумели?

– Райхман опасался, что вдруг при поступлении в чекист-

скую школу кадровики пошлют Кузнецова не на экзамены, а на посадку. А работать надо было сегодня. Ведь в пакт разведчики не верили. Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал с напутствием: «Наверху этого не любят, но работайте так, как вы все здесь мне это изложили». Москву наводнила немецкая агентура. Запустили очень хитрую комбинацию, и на Кузнецова вышли определенные круги. И поехало. Удалось перехватить двух дипкурьеров. Кузнецов сумел вскоре скомпрометировать и завербовать некоего Крно – дипломата, фактически замещавшего посланника Словакии. Тот провозил по дипломатическим каналам целые партии контрабандных часов, а часть выручки от их продажи шла вроде бы на плату агентуре. Кстати, с часами произошла забавная история. Их, разведкой конфискованные, разрешили покупать по себестоимости сотрудникам наших органов Госбезопасности.

А Кузнецов крепко жал на Крно, и информация от того, пропадавшего в немецком посольстве днями и ночами, пошла ценнейшая. Затем благодаря Кузнецову отыскивали подходы к военно-морскому и военному атташе Германии. Да, он умел обаять людей. Ухитрился расположить к себе и камердинера немецкого посла, и его жену. Перед войной благодаря Кузнецову проникли в резиденцию посла в Теплом переулке. Вскрывались сейфы, снимались копии с документов, и немецкая агентурная сеть попала в руки сотрудников

Лубянки. И в благодарность за все это камердинер немецкого посла, считавший Кузнецова настоящим арийцем, фашистом, подарил ему под последнее предвоенное Рождество значок наци, книгу «Майн Кампф» и пообещал после окончания войны оформить членство в нацистской партии.

– Методы для вербовки чекисты, в том числе и Кузнецов, использовали самые разные.

– Надвигалась война. И методы были всякие.

Разведен, детей нет

– Немало судачат о том, что Кузнецов часто использовал в своей работе прекрасных дам. Простите за грубость, будто бы подкладывал балерин и прочих художниц в постель к иностранцам. Называли даже имя одной народной артистки.

– Было, но, конечно, не в тех гипертрофированных размерах, о которых болтают. Кузнецов – человек красивый, успехом у женщин пользовался. В том числе и у тех, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у девушек – не очень, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никому никого не подкладывал. Прекрасные дамы и без него свое дело знали. Да, среди балерин были и его источники, много чего Кузнецову рассказывавшие. Случился и серьезный роман с дамой-художницей. Было ей тогда под 30, и обитала она рядом с Петровским пассажем.

Салон, богема – между прочим, в той квартире Кузнецов познакомился с актером Михаилом Жаровым. А Николай, по моему, серьезно влюбился в эту светскую львицу с дворянской фамилией, назовем ее Ксаной О. Известен он ей был как Руди Шмидт. Начало 1940-х, и пакт – не пакт, отношение к немцам уже настороженное, могли за близкие связи по головке и не погладить. И Ксана свою любовь, говоря по-современному, взяла и кинула. Кузнецов же, при всем обилии связей, страдал. В партизанском отряде, об этом раньше совсем не писалось, просил Медведева: если погибну, обязательно расскажите обо мне правду Ксане. И Медведев, уже Герой Советского Союза, отыскал в центре Москвы эту самую Ксану О., выполнил волю другого Героя.

– И последовала сцена раскаяния?

– Ничего похожего. Полное равнодушие и безразличие.

– Может, ревновала? Приходилось Кузнецову спать с женщинами разных стран и профессий.

– В оперативных, как говорят в разведке, целях. К примеру с дамой из немецкого посольства – очень красивой и молодой. И, между прочим, технической сотрудницей, имевший доступ к самым разным документам. Пришлось благословлять Николая и на этот роман. В результате – ценнейшая информация прямо из посольства. И навывадала она ему столько...

– Правда ли, что был Кузнецов когда-то в молодости женат?

– Чистая правда. 4 декабря 1930 года счастливая свадьба, и, бац, уже 4 марта 1931 – развод, не сложилась личная жизнь, и никогда уже не понять почему. Так это и осталось между двумя людьми, судя по всему, в начале совместной жизни любившими друг друга. Бывшая его жена Елена Чуева оказалась женщиной исключительно благородной, достойной. Выпускница медицинского, воевала, спасала раненых и закончила войну в звании майора. Демобилизовалась после победы над Японией. И, знаете, никогда и никому не хвасталась, мол, я – жена Героя, и ничего не просила.

– Пошли какие-то разговоры о детях. Конкретнее – о дочери.

– Детей не было. Слухи о дочери действительно поползли, и их проверили. У Героя отыскалась прямая наследница? Нет, неправда. Остался лишь племянник.

Шпионы к нам летали пачками

– Сложнейшее предвоенное время, совпало по срокам с началом работы Кузнецова в Москве как разведчика.

– Да, и приходилось ему общаться с людьми разными. Сделался завсегдатаем в знаменитом тогда ювелирном комиссионном магазине в Столешниковом переулке. Заводил там знакомства и с народом благородным, и с нечистым. В артистическом мире знавал многих. Был момент, когда, чтобы легализовать Кузнецова, его даже хотели сделать админи-

стратором Большого театра. Наибольшую активность немцы проявляли в 1940-м году, в страшном 1941-м. Как раз в ту пору немецкая разведка развернула в СССР бешеную, пожалуй, мало где виданную деятельность. Вот кто выжал из пакета Молотова – Риббентропа все, что только можно. Какие делегации к нам зачастили. Ну, где такое бывало – человек по 200. И постоянная смена сотрудников – кто работал месяц – три, а кто нагрязнул на день – два, выполнил задание – и был таков.

– Но пишется об этом мало да и как-то глухо.

– Не самые удачные времена. Огромный десант немцев на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Пойди, уследи. Труднейшие для наших спецслужб годы. Бывало и такое, что среди махровых шпионов вдруг появлялись в Москве и наши агенты, например, Харнак, которому предстояло войти в историю, как одному из руководителей «Красной капеллы». Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кенигсберга с посадками в наших городах их «Люфтганза». А вместо девочек с передничками – только бравые ребята – стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два – три рейса, и другая команда. Это изучали маршруты немецкие штурманы из «Люфтваффе».

– А что наши?

– Наши тоже туда летали. Но маленькими группами. Пока НКВД решит, кому можно лететь, кого выпустят...

– Я бы хотел вас спросить о запутанной истории с совет-

ским летчиком Алексеевым, загадочно погибшим при испытаниях новой модели самолета.

– Неразгаданная страница. Была такая немецкая эскадрилья под командованием мирового аса Ровеля, еще при его жизни названная именем командира. И на невероятных, недоступных для летчиков других стран высотах, совершала она облеты всех стран, на которых впоследствии напал Гитлер. Так существуют сделанные пилотами Равеля фотографии Ленинграда. Но вот появляется наш летчик Алексеев, и на экспериментальных моторах поднимается на высоты, близкие к немецким. И вдруг – погибает. Тут к инженеру-испытателю старшему лейтенанту Рудольфу Шмидту подкатываются, нет, не немцы, а японцы, которые живо интересуются судьбой Алексеева. Ведь Шмидт по легенде работает в Филях, на заводе, построенном немцами. Их теперь здесь нет, но, кто знает, возможно, и оставили после себя агентов или людей, им чем-то обязанных? По всем признакам через любопытных японцев действую осторожные немцы. Кузнецов сообщает начальству о возникшем интересе, выдает японцам полуправдивую и их устроившую версию. Может, зависил потолок, которого достигал Алексеев? А одного японца-интересанта здорово наказал. Однако, что произошло на самом деле с нашим Алексеевым, как он погиб, мне неизвестно.

А мог бы быть и Никанором

– Теодор Кириллович, а что это за путаница с именами Кузнецова? Опять-таки существует миф, будто придя в разведку, он получил новое имя.

– А вот это не совсем миф, только НКВД здесь не при чем. Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырян-ка Камышловского уезда Пермской губернии. При рождении наречен Никанором, по домашнему – Ника. Имя Никанор парню не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николая. Но какая-то путаница, разночтения действительно оставались. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда родные и однокашники Николая Ивановича узнали о присвоении звания Героя Советского Союза некому Николаю Кузнецову, то думали, речь идет об однофамильце. Даже сестра Лидия и брат Виктор долгое время оставались в неведении. Полагали, будто он пропал без вести. И в Москве истинная биография Кузнецова были настолько засекречены, что Грамота Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя так и осталась неврученной. В конце войны она вообще затерялась, и только в 1965 изготовили ее дубликат.

– Некоторые биографы Кузнецова считали, что Николай Иванович, якобы, этнический немец, выходец из немецкой колонии, которых до Великой Отечественной было множе-

ство. Этим и объясняли великолепное знание языка.

– Давайте сначала о происхождении. Отец Иван Павлович, как и мать Анна Павловна, люди исконно русские. Служил отец до революции в гренадерском полку в Санкт-Петербурге. За меткую стрельбу был пожалован призом от молодого царя Николая II. Однако никаким дворянином, белым офицером не был: сражался в Красной Армии у Тухачевского. И не кулак, как утверждают иные бытописатели.

Лингвист от матери-природы

– Откуда у Кузнецова такие способности к языкам?

– А от все той же природы. Мальчик из уральской деревни Зырянка с 84 дворами и 396 жителями, овладел в совершенстве немецким. Лингвистом Николай Иванович Кузнецов был гениальным. Да и повезло ему несказанно с учителями иностранного. Так сложилась судьба – в его глухомань, откуда до ближайшего уездного городка 93 версты, занесло образованных людей, которым бы преподавать в гимназиях, а набирался у них знаний деревенский паренек Ника Кузнецов. В Талицкой школе-семилетке немецкий и французский вела Нина Николаевна Автократова. Образование школьный преподаватель далекого уральского селения получила в свое время в Швейцарии. Увлечение Кузнецова языками считали блажью. И потому загадочной казалось одноклассникам его дружба с преподавателем труда Францем Францевичем

Явуреком – бывшим военнопленным, осевшим в тамошних краях. Нахватался разговорной речи, живых фраз и выражений из солдатского лексикона, которых в словаре интеллигентнейшей учительницы и быть не могло. Много болтал с провизором местной аптеки австрийцем Краузе. Когда работал в Кудымкаре, на удивление быстро овладел коми, трудным, как и все языки угро-финской группы. Даже стихи на нем писал, о чем, как вы знаете, проводали вездесущие чекисты. Проучившись всего год в Тюмени, выступил в клуб эсперантистов и перевел на эсперанто свое любимое «Бородино» Лермонтова. Учась в техникуме, наткнулся на немецкую «Энциклопедию лесной науки», которую до него никто и никогда не открывал, и перевел на русский. А уже в Свердловске, где работал как секретный агент, сошелся с актрисой городского театра – полькой по национальности. Результат романа – владение польским языком, который ему тоже пригодился. В партизанском отряде «Победители», действовавшем на Украине, заговорил по-украински. Испанцы, служившие в лесах под Ровно в отряде Медведева, вдруг забеспокоились, доложили командиру: боец Грачев понимает, когда мы говорим на родном, он не тот человек, за которого себя выдает. А это у Кузнецова, с его лингвистическим талантом, открылось и понимание незнакомого до того языка. В немецком множество диалектов. Помимо классического Кузнецов владел еще пятью – шестью. Это не раз выручало обер-лейтенанта Зиберта при общении с немецкими офице-

рами. Понятно, что для нелегала Кузнецова, действовавшего под легендированной биографией, встреча с уроженцем того немецкого города, где якобы и родился разведчик, была бы почти что крахом. Кузнецов-Зиберт, быстренько уловив, из какой части Германии родом его собеседник, начинал говорить с легким налетом диалекта земли, расположенной в другом конце страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.